

СТАТЬИ

ДЕРИВАЦИОННО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ПРИ ОБЪЯСНЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.Н. Шпильная

Ключевые слова: деривация, интерпретация, деривационно-интерпретационный процесс, русский язык, уровневая модель языка.

Keywords: derivation, interpretation, derivational-interpretative process, the Russian language, levels of the language.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-01

1.1. Постановка проблемы

Несмотря на то, что еще в 1962 году Н. Хомский выступил против представления языка как модели, описываемой по принципу «непосредственно составляющих» [Хомский, URL], язык во многих работах представляется как порождающий конструктор, из которого мы можем составлять слова, предложения или даже целые тексты. Такое представление языка дано, например, в академических грамматиках [Русская грамматика, URL], в которых уровневая модель языка проецируется на онтологию генезиса языковых единиц (знаков). Динамика языка в таком случае заключается в конструировании языковых знаков разной степени сложности согласно их уровневой иерархии. В этом случае имеет место структурно-обусловленная деривация языковых единиц. При таком – структурном – подходе языковая единица в онтологии конструируется из единиц соседних уровней языковой системы. Например, лексема конструируется из морфем, морфема – из фонем или графофонем, словосочетание – из лексем, а предложение – из словосочетаний или сочетания лексем.

Монологический текст в этом случае предстает как единица, конструируемая из предложений (сложных синтаксических целых), а диалогический текст – как единица, конструируемая из монологических текстов.

Особенно актуален подобный подход в практике преподавания иностранных языков, когда на первый план выходит коммуникативная функция языка как *средства* общения – конструирования связного речевого целого. Учебники иностранного языка и методика преподавания иностранных языков строятся на основе структурной модели языка, грамматика которого подчиняется принципу «непосредственно составляющих». К примеру, сначала изучается лексика определенной тематической или коммуникативно-ситуационной группы, далее или параллельно с этим изучаются правила конструирования предложений из этих лексических единиц, причем конструирование предложений разной семантики – и прежде всего вопросительной – осуществляется посредством подстановки элемента на определенное место в синтаксической структуре. Нередко принцип «непосредственно составляющих» связывается с принципом деривации, на основе которого предлагается развивать письменноречевую деятельность инофона по линии усложнения синтаксических конструкций, об этом см., например, [Голев, 2015]. В таком подходе нетрудно увидеть логику усвоения и порождения языка, о которой писал в свое время и Н. Хомский [Хомский, URL]. Об этом также свидетельствует представление языковой компетенции как аналога системно-структурной модели языка [Шахнарович, 1995].

Эвристический потенциал гипотезы, согласно которой язык есть порождающий конструктор, несмотря на имеющиеся теоретические основания и прикладные сферы верификации, исчерпывается при объяснении многих языковых явлений, имеющих общетеоретический и прикладной (лингводидактический) характер. В общетеоретическом ключе не проясненными, к примеру, остаются вопросы об изменении акустического образа лексемы в потоке речи, о наличии в языке морфонологических процессов типа наложения морфем или усечения морфем или появления интерфиксов в составе слова или субститутивных (анафорических) замен на синтаксическом уровне при конструировании предложений в составе монологического текста или формальной взаимоподгонки реплик в ситуации диалога пр. Противоречит концепции языка как конструктора и наличие в языке идиоматических выражений, где смысл целого не выводится из смысла составных элементов. Решение этих и подобных вопросов не соотносится с концепцией языка как порождающего конструктора,

осуществляющего конструирование языковых единиц (знаков). В прикладном аспекте не ясна природа пересказа, который используется при обучении связной речи на иностранном и родном языках. Пересказ – это не просто вторичный текст, созданный на базе исходного для него текста; пересказ – это новый текст, создание которого возможно в случае овладения не столько механизмом конструирования, сколько механизмом, имеющим другую природу, – механизмом, предполагающим возможность интерпретации языкового знака, его означаемого и / или означающего.

Поднимая данные вопросы, мы пытаемся очертить границы новой концепции языка – языка как интерпретационно-деривационного механизма, обуславливающего взаимодействие тенденций к интерпретируемости и воспроизводству / производству языковых знаков. Безусловно, понимание языка как интерпретационного механизма не ново, по всей вероятности, оно восходит к идеям В. фон Гумбольдта об «особом мировидении» [Гумбольдт, URL] и находит свое проявление в русле когнитивной лингвистики, где язык рассматривается как система хранения и интерпретации знаний субъекта речи об окружающем его мире. Несколько иное представление интерпретационной сущности языка находит проявление в русле лингвистического интерпретационизма (подробнее см. в [Демьянков, 1999]), в рамках которого исследуется интерпретационный потенциал языковых единиц различных уровней языковой системы. Развиваемое в данной статье понимание языка обосновано нами в работе [Шпильная, 2016], где язык рассматривается как суппозиция для диалога с адресатом, а диалог в свою очередь рассматривается как процесс интерпретации формы (содержания) языкового знака, наблюдаемый в результате их (языковых знаков) взаимоподгонки. В статье мы попытаемся показать, что многие языковые явления можно рассматривать как следствия действия деривационно-интерпретационного процесса, объясняющего динамику (эволюцию) языковых знаков, их генезис и функционирование. Деривационно-интерпретационный процесс – это стержневая линия динамики языка в ситуации диалога, он пронизывает все уровни и планы языка, в том числе диахронический и синхронный планы существования языка в целом и его отдельных единиц в частности. Данный процесс объясняет генезис (производство / воспроизводство) языковых знаков, который осуществляется посредством интерпретации исходного – пресуппозиционного – знака и постзнака как будущего языкового знака. Вовлечение антропного фактора в динамику языковых процессов как имманентного фактора, присущего самой

языковой системе, позволяет по-иному объяснить многие языковые явления и процессы, имеющие место в системе языка.

Необходимость объяснения перечисленных выше языковых явлений возникает на фоне того, что данные языковые явления просто констатируются; причем ответ на вопрос, почему это происходит, не дается. В работе предлагается один из вариантов верификации гипотезы о деривационно-интерпретационном процессе как стержневой линии динамики языка, пронизывающей все уровни и пласты последнего. Кажущаяся «эджоковость» анализируемых языковых явлений (фактов) может быть объяснена многообразием языковых явлений, которые в рамках одной статьи просто невозможно рассмотреть (проанализировать). Наша цель – наметить принцип объяснения многих языковых явлений, возникающих в системе языка и / или тексте. Такая цель предполагает некоторую избирательность в выборе языковых фактов, подкрепляющих сформулированную гипотезу, но этот выбор осуществляется не с позиций «эджоковости», а с позиций показательности примера для подтверждения объяснительного потенциала гипотезы.

1.2. Деривационно-интерпретационный процесс и его роль в языковой системе и тексте

Деривационно-интерпретационный процесс – это, с одной стороны, третье измерение системных отношений в языке, а с другой стороны, – стержневой процесс, объясняющий динамику языка на различных уровнях языковой системы и в аспекте различных планов развития языка (синхронии и диахронии). Говоря о динамике языка, мы имеем в виду два процесса, один из которых связан с переходом языка в речь – речезыковую динамику, а другой – с механизмами интерпретации, сопровождающими производство и воспроизводство языковых знаков. Мы хотим сказать, что деривационно-интерпретационный процесс нейтрализует противопоставление языка и речи: языковые модели растворяются в речи, а речевые модели воспроизводятся в системных языковых отношениях. При этом переход от языка к речи и наоборот осуществляется благодаря действию механизмов интерпретации, коррелирующих с правилами трансформации языковых единиц и / или с прагматическим фокусом носителя языка, актуализирующим различные эмоциональные коннотации языковых единиц.

Интерпретационная динамика языковых единиц может касаться только плана выражения языкового знака или только плана содержания языкового знака, может быть связана с формальным взаимоприспособлением плана выражения двух языковых знаков и пр.

Главное в этих процессах – актуализация интерпретационного фокуса носителя языка, который, однако, может быть проявлен по-разному: либо как появление в языковом знаке незначимых формально-смысловых элементов, либо как изменение плана содержания или плана выражения языкового знака в синхроническом или диахроническом срезе, либо как изменение системного значения грамматической формы за счет актуализации речевого (контекстуального) значения (смысла), либо как появление дейктических (анафорических) элементов или парадигматических замен. Интерпретационный компонент в составе деривационно-интерпретационного процесса близок по своим функциям правилам трансформации, выделенным Н. Хомским [Хомский, URL]. Как известно, трансформация объясняла образование новых синтаксических структур, к примеру, преобразование предложений с действительным залогом в предложения со страдательным залогом, замену существительного на местоимение, сокращение существительного в структуре предложения и пр. Трансформационный компонент в современных работах по дериватологии обычно связывается со свертыванием, или компрессией информации в тексте [Мурзин, 1988], однако такое представление трансформации представляется чрезмерно упрощенным. Нам, скорее, ближе понимание трансформации, развиваемое С.Н. Цейтлин, изучающей правила формальной взаимоподгонки реплик детей в диалоге [Цейтлин, 2000] и отмечающей умение детей осуществлять акты формальной взаимоподгонки словоформ типа *твой – мой* в диалогических репликах. В таком случае интерпретационный компонент языковой способности носителя языка предшествует актам производства / воспроизводства языковых единиц, являясь их предпосылкой. В этом ключе можно объяснить появление звукоподражательных слов в языке, описываемое Ф. де Соссюром [Соссюр, 2010]. Последний обращается к анализу звукоподражаний (как контраргументу оппонентов, отстаивающих тезис о произвольности языкового знака), условно имитирующих определенные звуки. Он показывает, что подобные языковые знаки появляются в результате интерпретации языковых знаков, принятых за основу, в результате переосмысления их внутренней формы. Наличие в языке деривационно-интерпретационного процесса связано с тенденциями языкового знака к интерпретируемости и к неинтерпретируемости.

Говоря об интерпретационной составляющей актов производства / воспроизводства языковых единиц, отметим, что

интерпретация предполагает не только интерпретацию формы или означаемого языковой единицы, но и проявление прагматической составляющей интерпретационной деятельности, обнаруживаемой в актуализации субъективных элементов в актах языкового семиозиса.

О наличии в языке и тексте деривационно-интерпретационного процесса свидетельствует формальная взаимоподгонка реплик в диалоге, наблюдающаяся еще в речи детей [Цейтлин, 2000]. Это позволяет говорить о том, что деривационно-интерпретационный процесс связан с экстралингвистическими и антропными условиями возникновения и существования языка, к которым мы относим ситуацию диалога как ситуацию ответа и диалогичность языковой способности носителя языка [Шпильная, 2016].

Деривационно-интерпретационный процесс противопоставлен деривационно-мотивационному процессу, пронизывающему все уровни и планы языка без учета контекста реального использования языка – ситуации диалога [Голев, 1989]. Последний объясняет явления абсолютной и относительной мотивированности лексических и текстовых единиц, производные отношения в лексической подсистеме русского языка, рассматриваемые как проявление тенденций языкового знака к отражательности и условности. К примеру, деривационно-мотивационный процесс объясняет появление производных слов в системной цепочке типа *тигр* – *тигриный*, где деривация лексемы *тигриный* есть следствие ее мотивации лексемой *тигр*, входящей в состав производной основы. Однако генезис вторичного языкового знака в данном случае может быть также объяснен действием деривационно-интерпретационного процесса, так как имеет место не просто входение (отражение) производящей основы в состав производного слова, но и изменение плана выражения производящей основы [тигр¹], или взаимоприспособление плана выражения двух языковых знаков – пресуппозиционного и постзнака – с нулевым прагматическим фокусом. Такой подход возможен в силу признания диалога, предполагающего формальную и прагматическую взаимоподгонку языковых знаков, необходимым условием использования языка и предтечей деривационных процессов в языковой системе.

1.3. Следствия деривационно-интерпретационного процесса на различных уровнях языковой системы

В докторской диссертации [Шпильная, 2016] мы показали, что деривационно-интерпретационный процесс объясняет

эпидигматические отношения в текстовой подсистеме языка / речи. Мы попытались обосновать, что эпидигматические отношения в текстовой подсистеме языка обусловлены действием деривационного механизма диалогической цитации и сопряжены с прагматическим компонентом языковой деятельности, модусами *согласен, не согласен* и *нейтральным модусом*. Каким образом представлен деривационно-интерпретационный процесс на других уровнях языковой системы, мы не выявляли. Мы не ставим перед собой цель охарактеризовать все проявления деривационно-интерпретационного процесса, наша задача – очертить границы эвристического потенциала последнего.

1.3.1. Фонетические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Деривационно-интерпретационный процесс на фонетическом уровне языковой системы объясняет некоторые фонетические процессы, к примеру, ассимиляцию, позиционное оглушение согласных в конце слова, диссимиляцию, диерезу, редукцию гласных и пр. Так, например, ассимиляция может быть объяснена включенностью внешней формы языкового знака в деривационно-интерпретационный процесс, следствием чего является уподобление одного звука речи другому. Например, акустический образ лексемы *кружка* интерпретируется носителем языка в актах ее воспроизводства, следствием чего является изменение акустического означающего лексемы, которая приобретает звучание, обусловленное влиянием акустического образа будущего языкового знака и в частности будущего звука на предшествующий. Ср.: *крушка*. Здесь имеет место интерпретация звуков как элементов фонетической системы языка, обусловленная позицией звука в означающем лексемы. Аналогично: акустический образ лексемы *собака* интерпретируется носителем языка, причем интерпретация обуславливается слабой позицией фонемы *о*, которая начинается звучать как звук «а крышечкой». О наличии интерпретационных механизмов свидетельствуют диалектные явления в области безударного вокализма, в числе которых оканье и аканье. Различение фонем *а* и *о* или их неразличение обусловлено деривационно-интерпретационным процессом, который в одном случае интерпретирует языковое явление как оканье, а в другом случае – как аканье.

1.3.2. Лексические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. На уровне лексики деривационно-интерпретационный процесс объясняет асимметричный дуализм языкового знака. Во-первых, он объясняет изменение плана

выражения при сохранении плана содержания лексемы, как, например, в словах *выя – шея*; во-вторых, он объясняет изменение плана содержания при сохранении плана выражения, как, например, в омонимичных лексемах *ключ – ключ*. В первом случае речь идет о синонимии языковых знаков, а во втором случае – об их омонимии. В-третьих, он объясняет возможность существования для одного и того же плана выражения нескольких планов содержания, к примеру, *медведь (животное) – медведь (человек)*. В этом случае речь идет о полисемантизме, в частности о метафорическом переосмыслении семантики лексической единицы.

1.3.3. Словообразовательные явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Деривационно-интерпретационный процесс на уровне словообразования проявляется в генезисе вторичных языковых знаков – производных слов – при помощи различных формантов: суффиксального, префиксально-суффиксального, постфиксального и пр. Интерпретация наблюдается в преобразовании формы пресуппозиционного знака – *стол – стол'ик, окно – подоконник* и пр.

Деривационно-интерпретационный процесс на словообразовательном уровне объясняет также случаи субъективной интерпретации плана содержания и плана выражения пресуппозиционного знака в их единстве, к примеру, *прихватизация* (неодобрительная оценка); диалогические (производно-прагматические) отношения между одноуровневыми языковыми знаками наблюдаются и в ситуации экспрессивного словообразования (*ножище* – неодобрительное отношение к человеку, *ручки* – галантное отношение к человеку, *дядечка* – ласкательность). В указанных примерах прагматический модус, имеющий разные окраски, выражается как бы новой лексемой в целом.

1.3.4. Морфонологические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Нам представляется, что непрерывный деривационно-интерпретационный процесс объясняет формальное приспособление, или контаминацию, плана выражения (означающего) пресуппозиционного знака и постзнака; к примеру, морфонема и морфонологические процессы отражают факт формального приспособления двух морфем, следствием чего могут служить появление морфемы в словах типа *бросить – брошу*, интерфиксальной вставки в словах типа *лесостель, сеялка*,

наложение морфем (*приду* = при + иду), усечение морфем (*пальтишко* из пальто). В приводимых примерах актуализируется нейтральный прагматический модус; формальная интерпретация носит эксплицитный характер, что проявляется в актуализации формальных элементов, не имеющих самостоятельного смыслового значения, к ним мы относим интерфикс *о* или *л* и т.п.

1.3.5. Морфологические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. На морфологическом уровне деривационно-интерпретационный процесс наблюдается, например, в актуализации грамматической семантики категории вида. Так, при выборе глагольной формы совершенного вида или несовершенного вида осуществляется акт генезиса соответствующей словоформы с учетом интерпретации референтной ситуации, по отношению к которой выбирается тот или иной вид глагола. См. подробнее в [Воронец, 2017]. Деривационно-интерпретационный процесс также наблюдается в актах генезиса (актуализации) глагольных словоформ со значением времени, которое может быть расщеплено на актуальное (речевое значение) и системно-языковое значение. К примеру, в высказывании *Пришел я сегодня в магазин* актуализация глагольной словоформы прошедшего времени осуществляется параллельно с интерпретацией речевого контекста и появлением лексического компонента значения настоящего времени *сегодня* в синтагме.

1.3.6. Синтаксические явления как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Проявлением деривационно-интерпретационного процесса на синтаксическом уровне языковой системы являются слова-субтитуты, служащие в качестве средств связи синтаксических конструкций в составе целого – текста и выполняющие анафорические функции. К словам-субтитутам относим местоимения *он, она, оно, они* и парадигматические замены в рамках номинативной цепочки типа *он – журналист – Иванов М.В.* и пр. Все случаи трансформации синтаксических структур при построении монологических текстов – преобразование предложений с действительным залогом в предложения со страдательным залогом, замену существительного на местоимение, сокращение существительного и пр. – также могут быть объяснены деривационно-интерпретационным процессом.

1.3.7. Языковые явления на текстовом уровне как следствия деривационно-интерпретационного процесса. Одним из наиболее ярких проявлений деривационно-интерпретационного процесса на текстовом уровне языковой системы служит пересказ

текста, предполагающий интерпретацию формы исходного текста и интерпретацию его означающего, формальные взаимозамены и пр. К собственно текстовым проявлениям деривационно-интерпретационного процесса относят случаи формальной взаимоподгонки реплик в диалоге, о которой писала С.Н. Цейтлин [Цейтлин, 2000], согласно работам которой в актах деривации диалогических высказываний наблюдаются уподобление, например, местоимений – Как у *тебя* дела? У *меня* все хорошо. Неслучайно, наверное, при изучении иностранного языка одним из самых сложных заданий является не описание, например, картины, предполагающее конструирование предложений в связанное речевое целое, а пересказ иностранного текста, его реферирование и «разыгрывание» диалога. В этом случае важно учитывать действующий в языке деривационно-интерпретационный процесс, оказывающий влияние на интерпретацию формы пресуппозиционного знака и постзнака.

1.4. Выводы

Концепция языка как порождающего конструктора не объясняет многие языковые явления на различных уровнях системы языка, то есть является неудовлетворительной.

Однако эти явления объясняются, если признать в качестве движущей силы эволюции (генезиса) языковых знаков деривационно-интерпретационный процесс.

Деривационно-интерпретационный процесс объясняет формальную и семантическую взаимоподгонку языковых единиц на различных уровнях языковой системы – фонетическом (фонологическом), лексическом, словообразовательном, морфонологическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом.

Литература

Воронец М.В. Противопоставление несовершенного – совершенного вида как оппозиция действия и предела. Экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Голев Н.Д. Электронная переписка как стратегия и тактика обучения иностранным языкам (лингводидактический проект) // Язык и культура. 2015. № 2 (30).

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read#t2>

Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. М., 1999. № 2.

Мурзин Л.Н. Текст – номинация – лексема // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь, 1988.

Русская грамматика: в 2-х тт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru/>

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.

Хомский Н. Синтаксические структуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/homskiy-sintaksicheskie-strukturyi-106965.html>

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.

Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Шпильная Н.Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: дис. ... док. филол. наук. Кемерово, 2016.

References

Voronec M.V. *Protivopostavlenie nesovershennogo – sovershennogo vida kak oppozicija dejstvija i predela. Eksperimental'noe issledovanie* [The Opposition of the Imperfect – the Perfect Form as the Opposition of Action and Limit. Experimental Study]. Cand. of Philol. Diss. Kemerovo, 2017.

Golev N.D. *Dinamicheskij aspekt leksicheskoy motivacii* [Dynamic Aspect of Lexical Motivation]. Tomsk, 1989.

Golev N.D. *Elektronnaja perepiska kak strategija i taktika obuchenija inostrannym jazykam (lingvodidakticheskij projekt)* [Electronic Correspondence as a Strategy and Tactics for Teaching Foreign Languages (linguodidactic project)]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. 2015. No. 2 (30).

Humboldt V. fon. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected Works on Linguistics]. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read#t2>

Dem'jankov V.Z. *Interpretacija kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki* [Interpretation as a Tool and as an Object of Linguistics]. *Voprosy filologii* [Philology Issues]. Moskva, 1999. No. 2.

Murzin L.N. *Tekst – nominacija – leksema* [Text – Nomination – Lexeme]. *Leksicheskie aspekty v sisteme professional'no-orientirovannogo obuchenija inozachnoj rechevoj dejatel'nosti* [Lexical Aspects in the System of Vocational-Oriented Learning of Foreign Language Speech Activity]. Perm', 1988.

Russkaja grammatika. V 2-h t. [Russian grammar. In 2 vols.] URL: <http://www.rusgram.narod.ru/>

Saussure F. *Kurs obvej lingvistiki* [General Linguistics Course]. Екатеринбург, 1999.

Chomsky N. *Sintaksicheskie struktury* [Syntactic Structures]. URL: <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/homskiy-sintaksicheskie-strukturyi-106965.html>

Cejtlin S.N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi* [Language and Child: Linguistic of Children's Speech]. Moskva, 2000.

Shahnarovich A.M. *Yazykovaja lichnost' i jazykovaja sposobnost'* [Language Personality and Language Ability]. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language is a System. Language is Text. Language – Ability]. Moskva, 1995.

Shpil'naja N.N. *Russkij dialogicheskij tekst: derivacionnyj aspekt* [Russian Dialog Text: the Derivational Aspect]. Doc. of Philol. Diss. Kemerovo, 2016.